

Марк Соколянский

К проблеме "Л. Н. Толстой и Л. Стерн"

Studia Rossica Posnaniensia 15, 41-49

1980

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

МАРК СОКОЛЯНСКИЙ

Одесса

К ПРОБЛЕМЕ „Л. Н. ТОЛСТОЙ И Л. СТЕРН”

Лоренс Стерн, как известно, был одним из любимых писателей Льва Толстого и его духовным спутником на протяжении многих лет жизни. С романом Стерна *Сентиментальное путешествие* Толстой познакомился (сначала, по-видимому, во французском переводе), когда ему еще не было двадцати лет, а в 1850 году Толстой прочел эту книгу в оригинале, и роман Стерна взволновал его и увлек¹.

Спустя сорок с лишним лет, излагая в письме М. М. Ледерле перечень „произведений, произведших впечатление”, он включил *Сентиментальное путешествие* в число книг, произведших „очень сильное” впечатление на него в возрасте от четырнадцати до двадцати лет². Наконец, последняя запись Толстого о Стерне датирована 25 декабря 1909 года³.

Особенно сильным было это увлечение в 1850 - 1852 годах. В 1851 году Толстой работал над переводом *Сентиментального путешествия* с английского языка на русский⁴. Влияние стерновской манеры ощутимо в таких ранних произведениях создателя *Войны и мира*, как *История вчерашнего дня*, *Четыре эпохи развития*, *Детство* и в меньшей степени — *Отрочество*. Несколько раз встречается имя Стерна и в дневниковых записях Толстого за 1851 - 1852 гг. да и повествовательная манера *Дневников* молодого Толстого в ряде мест вызывает ассоциации с прозой Стерна.

Вопрос о рецепции Толстым творчества Стерна и о влиянии Стерна на раннюю прозу Толстого уже ставился в литературоведении. В этой связи

¹ См.: Н. Гусев, *Толстой в молодости*, Москва 1927, стр. 190 - 191.

² Л. Н. Толстой, *О литературе*, Москва 1955, стр. 205.

³ Там же, стр. 605.

⁴ Перевод этот остался неоконченным. Выполненная часть опубликована в полном собрании сочинений Л. Н. Толстого (Л. Н. Толстой, *Полное собрание сочинений*, т. I, Москва 1935, стр. 249 - 279).

можно назвать труды Б. Эйхенбаума, П. Попова, В. Шкловского, С. Бочарова, Э. Зиннера, А. Елистратовой, Э. Симмонса, Э. Веделя, К. Атаровой и др.⁵ Усилиями ряда ученых уже в 1920-е - 1930-е годы было выяснено, что интерес Толстого к автору *Сентиментального путешествия* не был случайным, он вписывался в более общую тенденцию — тяготение молодого писателя к своим „литературным делам”, к традициям прозы века Просвещения.

... В отличие от многих своих современников, — констатирует американский литературовед Филип Рав, — Толстой не прошел через школу романтизма ... У него было немного связей с литературной культурой, развившейся в России после 1820 года; несомненно, больше общего было у него с его литературными дедами, чем с литературными отцами. Постольку, поскольку можно вообще говорить о литературных традициях, которым он следовал, поиски их ведут в восемнадцатый век, к Руссо, к Стерну, к французским классикам, а в России — к периоду Карамзина, Жуковского, Новикова и Радищева ...⁶

Сам Толстой несколько „облегчил” задачу своим критикам и будущим исследователям. Он не только включил Стерна в круг любимых писателей (и засвидетельствовал это на бумаге). Более того: в 1906 году он признался, что в пору работы над *Детством* находился под сильным влиянием *Сентиментального путешествия* Стерна и *Библиотеки моего дяди* Рудольфа Тепфера⁷. В свете этого не случайно внимание исследователей генезиса ранних произведений Толстого, их стиля, творческой эволюции великого писателя в целом к проблеме „Толстой и Стерн”.

И все же, несмотря на существование ряда трудов, посвященных этому вопросу, он еще нуждается, на наш взгляд, в некоторых разъяснениях и уточнениях.

Прежде всего нет достаточных оснований говорить об увлечении молодого Толстого Стерном вообще. Из наследия Стерна его по-настоящему интересовала лишь одна книга — *Сентиментальное путешествие*.

⁵ Б. Эйхенбаум, *Молодой Толстой*, Петербург—Берлин 1922; Б. М. Эйхенбаум, *Лев Толстой. Книга первая. Пятидесятые годы*, Ленинград 1928; П. Попов, *Стиль ранних повестей Толстого*. В кн.: *Литературное наследство*, т. 35 - 36, Москва 1939, стр. 78 - 116; А. Елистратова, *Английская классическая литература в России*, „Интернациональная литература” 1941, № 9 - 10; E. J. Simmons, *Leo Tolstoy*, Boston 1946; E. Weidel, *L. Tolstoy's Übersetzung von L. Sterne*, „Die Welt der Slaven” 1960, т. 3 - 4, стр. 426 - 451; С. Г. Бочаров, *Психологическое раскрытие характера в русской классической литературе и творчество Горького*. В кн.: *Социалистический реализм и классическое наследие*, Москва 1960; Э. П. Зиннер, *Творчество Л. Н. Толстого и английская реалистическая литература конца XIX — начала XX столетия*, Иркутск 1961; А. А. Елистратова, *Английский роман эпохи Просвещения*, Москва 1966; В. Шкловский, *Тетива. О несходстве сходного*, Москва 1970; К. Н. Атарова, *Лев Толстой и Лоренс Стерн*, т. 33, „Известия АН СССР” (Серия литературы и языка) 1974, № 6.

⁶ *Leo Tolstoy. A Critical Anthology*, ed. by H. Gifford, London 1971, стр. 229.

⁷ Л. Н. Толстой, *О литературе*, указ. соч., стр. 581.

В личной библиотеке Л. Н. Толстого в Ясной Поляне не было других книг Стерна, кроме *Сентиментального путешествия* на английском языке*. Мемуарная литература о Толстом, переписка писателя, наконец, *Дневники* не содержат свидетельств его серьезного интереса к другим произведениям Стерна.

В связи с этим представляется неправомерным заключение комментатора *Дневников* о значении первого романа Стерна для становления Толстого-прозаика. Комментируя запись в *Дневнике* от 14 мая 1852 года „Орлиные носы (горцев — М. С.) сводят меня с ума“, А. С. Петровский пишет: „... восклицания об «орлиных носах» навеяно, по-видимому, чтением *Жизни и приключений Тристрама Шенди*, восхищавшего Толстого в это время английского писателя Л. Стерна...”⁸

Помимо ошибки в переводе названия книги Стерна (роман называется *Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена*), в этом суждении содержится совсем не обоснованная гипотеза. С таким же успехом можно утверждать, что, например, рассуждения о телосложении людей в *Четырех эпохах развития*⁹ навеяны теми же размышлениями о носах из *Тристрама Шенди*.

Правда, в *Дневниках* Л. Н. Толстого от 2 июля и от 4 июля 1852 года есть две цитаты из произведений Стерна во французском переводе, который Толстой, по-видимому, читал не столь пристально. В этот том входят *Мемуары Стерна*, из которых взята первая цитата¹⁰, и семьдесят шесть глав *Тристрама Шенди*. Выбор процитированных фраз носит случайный характер; других упоминаний о *Тристраме Шенди* или иных произведениях Стерна, написанных до *Сентиментального путешествия*, в *Дневниках* нет. К тому же Толстой пользовался в данном случае французским переводом.

(Французский издатель позволил себе привычные для эдичионной практики тех лет вольности. Так называемые *Мемуары Стерна* скомпилированы им из кратких *Воспоминаний* писателя, его писем и отрывков из художественных произведений. Роман *Жизнь и мнения Тристрама Шенди* публикуется без подразделения на девять томов, как это имеет место у Стерна, а делится лишь на главы, которым даны произвольные заголовки).

В *Дневниках* Толстого есть запись, датированная 3 января 1909 года: „Как хорошо: Я есмь — смерти нет. Смерть придет — меня не будет”¹¹. Комментатор 57 тома полного собрания сочинений Толстого, виднейший его биограф Н. Н. Гусев указывает, что это цитата из *Жизни и мнений Тристрама Шен-*

* Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность директору библиотеки Дома-музея Л. Н. Толстого в Ясной Поляне А. Б. Векслер за ценные сведения, которые оказались необходимыми для написания этой статьи.

⁸ Л. Н. Толстой, *Полное собрание сочинений*, т. 46, Москва 1937, стр. 389 - 390.

⁹ Там же, т. I, 1935, стр. 105.

¹⁰ *Oeuvres complètes de L. Sterne*, Paris 1818, v. 1, стр. 55.

¹¹ Л. Н. Толстой, *Полное собрание сочинений*, т. 57, 1952, стр. 4.

ду”¹². При этом мы не имеем ни прямых, ни косвенных указаний на то, читал ли Толстой этот роман позднее 1851 года, прочитал ли он до того, на Кавказе французский перевод романа полностью; нельзя исключить и возможности знакомства Толстого с этой фразой, как говорится, „из вторых рук”.

Если же речь заходит о произведении Стерна, текст которого был хорошо известен Толстому, произведении, о котором он часто писал, которое он читал и перечитывал в оригинале в разные годы жизни, цитировал, переводил, откуда взял эпиграф к двенадцать девятой главе *Отрочества* — то это роман *Сентиментальное путешествие* (*A Sentimental Journey through France and Italy*).

Другой частный вопрос поставленной проблемы, также требующий дополнительных уточнений, можно сформулировать так: „Было ли отношение Толстого к Стерну неизменным или оно претерпело некоторые изменения?” В какой-то степени ответ на этот вопрос можно прочитать в прямых высказываниях автора *Анны Карениной*, но, несомненно, что он связан с эволюцией творчества самого Толстого.

Большинство исследователей, обращавшихся к интересующей нас проблеме, сходились в мысли, что отношение Толстого к английскому писателю претерпело определенную эволюцию. Однако в истолковании этой эволюции единства нет и наметились по крайней мере три различные точки зрения.

Так, П. Попов в работе *Стиль ранних повестей Толстого* противопоставляет Стерна с его „деструктивным, атектоническим стилем” Льву Толстому с его тягой к тектонике и стремится показать, как русский писатель, „переходя от одной редакции *Детства* к другой, постепенно изживал манеру Стерна...”¹³ Эту же, по сути, точку зрения излагает новейший исследователь К. Н. Атарова в обстоятельной статье *Лев Толстой и Лоренс Стерн*¹⁴. Сторонники такого взгляда опираются прежде всего на замечание самого Толстого о том, что отступления „тяжелы” даже у Стерна¹⁵, на критические его суждения о собственных ранних произведениях (особенно — о *Детстве*), созданных под явным влиянием Стерна, и т.п., а П. Попов — и на тщательный анализ стиля ранних книг Толстого с учетом творческой эволюции писателя в 1850-е годы.

Противоположного взгляда придерживается, например, американский исследователь Э. Симмонс, полагающий, что Толстой, несмотря на настоячивые попытки преодолеть влияние Стерна, и в поздних своих произведениях многим обязан английскому писателю¹⁶. Это другая крайность.

Более обоснованной представляется нам концепция Б. М. Эйхенбаума, изложенная им еще в 1920-е годы. Фундаментально исследовав не только

¹² Там же, стр. 295.

¹³ П. Попов, указ. соч., стр. 79 - 82.

¹⁴ К. Н. Атарова, указ. соч.

¹⁵ Л. Н. Толстой, *О литературе*, указ. соч., стр. 5.

¹⁶ E. Simmons, указ. соч., стр. 89 - 90.

ранние художественные произведения Толстого, но и *Дневники* писателя тех лет, ученый пришел к выводу, что „учеба“ у Стерна, как и у некоторых других писателей XVIII века, была важна для русского писателя в плане выработки методологии самонаблюдения. В годы, когда вырабатывалась эта методология, удельный вес стерниански ориентированного детализированного самонаблюдения в творчестве Льва Толстого был чрезвычайно велик; впоследствии этот прием использовался им в более умеренных дозах. Таким образом, согласно Эйхенбауму, не было чрезмерного увлечения Стерном вначале и преодоления его влияния впоследствии, а было творческое усвоение некоторых приемов письма Стерна в период становления Толстого-прозаика¹⁷.

В справедливости этой концепции убеждают и оригинальные наблюдения самого Б. М. Эйхенбаума, и отдельные наблюдения позднейших исследователей (П. Попова, К. Атаровой и др.). Быть может, она нуждается лишь в небольших коррективах и дополнениях.

Так, думается, автор книги *Молодой Толстой* несколько переоценивает влияние французского стернианства на начинающего русского писателя, завышает значение французских „посредников“ между Стерном и Толстым.

Находя следы воздействия прозы Стерна в *Дневнике* (в частности — в описании поз и жестов) Б. Эйхенбаум пишет; „Вместе с тем это — Стерн, проведенный через французскую традицию и лишенный многих специфически английских черт“¹⁸. О какой же французской традиции идет речь?

Известно, что, помимо *Сентиментального путешествия*, любимым чтением Толстого на пороге 1850-х годов (не без влияния Дружинина) была книга женевого беллетриста Р. Тепфера *Библиотека моего дяди*; Толстой сам писал об этом в 1906 году. Рудольф Тепфер был последователем французского стернианца Ксавье де Местра. Если, учитывая это, признать влияние более близкого к Толстому по времени Тепфера определяющим, то можно сказать, что автор *Детства* и *Отрочества* воспринимал Стерна „проведенным через французскую традицию“. Однако согласиться с этим мнением трудно.

Нельзя недооценивать того факта, что Толстой увлекся Стерном, минуя посредничество французских переводчиков. По-видимому, в библиотеке Толстого¹⁹ имелось полное собрание сочинений Стерна во французском переводе. Из французских томиков Стерна (издания 1818 года) Толстой, будучи на Кавказе в 1852 г., выписал две заинтересовавших его фразы²⁰. Но *Сентиментальное путешествие* было прочитано Толстым в оригинале, и тогда-то

¹⁷ В несколько упрощенной форме эта концепция была позднее изложена В. Б. Шкловским (В. Шкловский, указ. соч., стр. 26 - 27).

¹⁸ Б. Эйхенбаум, *Молодой Толстой*, указ. соч., стр. 61.

¹⁹ Русских переводов Стерна в библиотеке Толстого в Ясной Поляне не было. (См. „Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне“. Библиографическое описание, т. I, Москва часть 1 — 1972, часть 2 — 1975).

²⁰ Л. Н. Толстой, *Полное собрание сочинений*, т. 46, 1937, стр. 78 - 79.

оно взволновало его по-настоящему. Не случайно Толстой берется за перевод романа Стерна²¹.

Понять значение этой работы можно, лишь учитывая, что ни один из существовавших к тому времени переводов нельзя было назвать удовлетворительным. Одни из них, как, например, появившийся еще в 1803 году перевод П. Домогацкого, были „переводами с перевода” (то есть с французского текста). Авторы других переводов, как, например, А. Колмаков, предложивший в 1793 году „перевод с подлинника”, недостаточно хорошо владели английским языком и проявили непонимание мысли Стерна уже в переводе названия, идентифицируя Стерна (автора) и Йорика (героя-повествователя)²². Даже появившийся в 1865 году перевод Н. П. Лыжина никак не может быть признан удовлетворительным.

Жена писателя Софья Андреевна, вспоминая об увлечении Толстого Стерном, писала: „Voyage Sentimental par Sterne”²³. Сам же Толстой в своих записях употреблял либо оригинальное, английское название (*A Sentimental Journey*) либо его русский перевод.

Кроме того, думается, что Б. Эйхенбаум, как и ряд более поздних исследователей, несколько завысил роль Р. Тепфера и его книги в становлении Толстого-прозаика. Не исключено, что литературоведы XX столетия оказались под давлением не столько оценок Толстого, сколько оценок Дружинина, в чьем письме Толстому восхищение от книги Тепфера соседствует с критическим суждением о Стерне („Стерн слишком стремится к оригинальности”)²⁴.

Небезынтересен тот факт, что в *Дневниках* конца 1840-х — начала 1850-х годов нет ни одного упоминания имени Тепфера или его книги, тогда как имя Стерна встречается там неоднократно. Не находим мы имени Тепфера и в „Списке сочинений, произведших впечатление”, содержащемся в цитированном выше письме Льва Толстого М. М. Ледерле. Этих фактов достаточно, чтобы сделать вывод, что книга Р. Тепфера была временным увлечением Толстого, тогда как *Сентиментальное путешествие* Стерна оставалось в кругу любимых книг великого русского писателя в течение шести десятилетий.

Кроме Стерна и Тепфера, Толстой во время работы над *Детством* увлеченно читал книги еще двух авторов — Руссо и Диккенса. Увлеченность *Де-*

²¹ Предположение А. Е. Грузинского, что Толстой, переводя роман Стерна „консультировался” со французским переводом (*ИСС*, т. I, стр. 340 - 341), настолько слабо фундировано, что остается всего лишь гипотезой.

²² Так, в переводе А. Колмакова роман именуется *Стерново путешествие по Франции и Италии*, а неизвестный автор опубликованного в 1806 г. перевода называет роман *Путешествие Йорика по Франции*. (См. В. И. Маслов, *Интерес к Стерну в русской литературе конца XVIII — начала XIX столетия*. В кн.: Историко-литературный сборник. Посв. В. И. Срезневскому, Ленинград 1924).

²³ Толстой в воспоминаниях современников, изд. 2, т. I, Москва 1960, стр. 50.

²⁴ См. Б. М. Эйхенбаум, *Лев Толстой*, кн. I, стр. 48 - 49.

видом *Коттерфилдом*²⁵ еще раз подчеркивает интерес Толстого к английскому роману, который воспринимался им непосредственно, без „прохождения через французскую традицию“.

Интерес Толстого к Руссо — явление иного рода, разумеется, нежели чтение Тепфера или Ксавье де Местра. Интерес к наследию автора *Исповеди* и *Новой Элоизы* был глубоким, разноаспектным и устойчивым.

... Стерн (особенно его *Сентиментальное путешествие*) оказывался в одном ряду с Руссо, — замечает Б. М. Эйхенбаум, — его пародийность воспринималась либо как „недостаток“, как чрезмерная болтовня („отступления тяжелы даже у него“), либо как нечто специфически английское, не заслуживающее внимания ...²⁶

В этом тонком, емком по смыслу замечании со многим нельзя не согласиться. Действительно, Руссо и Стерн для молодого Толстого находились в одном ряду: даже в упомянутом „Списке“ из письма М. М. Ледерле *Исповедь*, *Новая Элоиза* и *Эмиль* Руссо непосредственно соседствуют с *Сентиментальным путешествием*. Вместе с тем следует подчеркнуть принципиальную разницу в воздействии этих двух писателей на творческое мышление Толстого.

Значение Руссо для Толстого нельзя ограничить узко литературной сферой; его влияние коснулось мировоззрения русского писателя, тогда как воздействие Стерна ограничилось лишь сферой собственно литературного творчества.

Если сопоставить влияние Руссо и Стерна в рамках этой сферы, то нельзя не сделать хотя бы самого общего разграничения: у Руссо Толстого привлекала исповедальная интонация, проникновенный „автопсихологизм“²⁷, тогда как у автора *Сентиментального путешествия* учился он технике детализированного самонаблюдения, созданию мозаичной²⁸ картины того процесса, который Чернышевский в рецензии на первые произведения Толстого назвал „диалектикой души“.

К тому же роман Стерна оказал на автора *Истории вчерашнего дня*, *Четырех эпох развития* и *Детства* влияние и в плане композиционном. Деление *Детства* на короткие главы с лаконичными заголовками, не традиционное для русской жезнеописательной прозы, лишенное привычной экспозиции на-

²⁵ Об этом см. подробнее: И. Катарский, *Диккенс в России*, Москва 1966, стр. 275 - 307.

²⁶ Б. М. Эйхенбаум, *Лев Толстой*, указ. соч., стр. 84.

²⁷ Л. Я. Гинзбург метко называет *Детство*, *Отрочество* и *Юность* произведениями скорее автопсихологическими, нежели автобиографическими (Л. Гинзбург, *О психологической прозе*, Ленинград 1971, стр. 314).

²⁸ „Смыслы Толстого существуют только в сопоставлениях — все у него осмысливается только на фоне другого, а не само по себе, и потому все складывается мозаикой ...“ (Б. М. Эйхенбаум, *Лев Толстой*, указ. соч., стр. 36).

чало первой главы—эти, как и некоторые другие композиционные параметры²⁹ возникают в прозе Толстого не без стерновского влияния.

Говоря о факторах, обуславливающих художественную целостность каждого из ранних произведений Толстого (и в первую очередь *Детства* и *Отрочества*), следует признать, что и здесь никак не манифестировалось посредничество „французской традиции”. Именно от Стерна, а не от Руссо или французских стернианцев, берет Толстой схему путешествия.

Правда, у русского писателя путешествие совершается, главным образом, во времени. В мире Йорика доминантой является художественное пространство: на фоне и в ходе передвижения по Франции проявляется „чувствительная” натура пастора Йорика. Между тем в мире Николеньки Иртеньева, а тем более в неоконченных произведениях раннего Толстого несомненной доминантой является художественное время.

„... Толстой, как и Стерн, сжимает временной диапазон событий”, — замечает современный исследователь³⁰, анализируя *Историю вчерашнего дня*. К этому можно добавить и то, что в неоконченных произведениях Толстого, равно как и в *Детстве*, сосуществуют две временные позиции повествователя: 1) позиция ретроспективная и 2) позиция, современная описываемым событиям. И этот момент в книгах Толстого заставляет вспомнить Стерна, не профильтрованного французским стернианством.

Нельзя не отметить глубокой правоты Б. М. Эйхенбаума, подчеркнувшего, что „пародийность” Стерна воспринималась Толстым как „недостаток”. Думается только, что речь здесь может идти не о пародийности исключительно (отнюдь не все смешные места в *Сентиментальном путешествии* отмечены пародийностью), но о разных формах проявления комического начала в романе Стерна. Если, например, у другого духовного наставника Толстого — у Руссо — при всей серьезности *Исповеди* вовсе не исключена автоироническая интонация, то в *Детстве* „чувствительность” полностью исключает эту комического.

Говоря о „посредниках” между *Сентиментальным путешествием* и ранними произведениями Толстого, Б. Эйхенбаум указал на неоконченный роман Н. М. Карамзина *Рыцарь нашего времени*: „... В Толстом, по-видимому, действовала и русская традиция, идущая от Карамзина, — оценившая Стерна как автора не столько *Тристрама Шенди*, сколько — *Сентиментального путешествия* ... Стерн-пародист, опрокидывающий привычные формы английского романа, был слишком чужд русской литературе, едва нащупывавшей почву для развития прозы. Отсюда — специфически русский Стерн, „чувствительный рассказчик трогательных историй...”³¹

²⁹ См. также: П. Попов, указ. соч., стр. 94 - 95.

³⁰ К. Н. Атарова, указ. соч., стр. 510.

³¹ Б. Эйхенбаум, *Молодой Толстой*, указ. соч., стр. 63.

Эта мысль ученого является, на наш взгляд, весьма плодотворной. Наряду с пониманием стерновского влияния, тщательное исследование творческого восприятия Толстым традиций русской литературы конца 18 века³² прольет новый свет на процесс становления Толстого-прозаика.

A CONTRIBUTION TO THE PROBLEM "L. N. TOLSTOY AND L. STERNE"

by

MARK SOKOLYANSKY

Summary

The author of the article specifies the opinions of research workers concerning the lasting interest of Leo Tolstoy in the works of L. Sterne. Therefore the author states that Tolstoy was only interested in *The Sentimental Journey* which had been one of the most favourite books of the writer until the end of his literary career. At the same time he shows a definite influence of Sterne on the artistic style of Tolstoy, especially in the first period of his literary activity (the influence on the elaboration of Tolstoy's "dialectics of soul", on the composition of the first works and so on).

³² Эта проблема начинает все больше интересовать толстоведов. Укажем хотя бы на интересную статью Г. В. Краснова, *Лев Толстой и Радищев*. В сб.: XVIII век, Ленинград 1977.